

Ольга Гусейнова Алёна Медведева

СТРАШНАЯ СКАЗКА О СЕРОМ ВОЛКЕ

Другие Миры (АСТ)

Алёна Медведева

Страшная сказка о сером волке

«Автор»

«Автор»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Медведева А. В.

Страшная сказка о сером волке / А. В. Медведева — «Автор»,
«Автор», 2019 — (Другие Миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-118364-6

Лари — полукровка. Отец ее был оборотнем, а мать — магом жизни, и нет ей места ни среди людей, ни среди волков. Да и о волках рассказывают очень страшные сказки... Опасаясь за свою жизнь, Лари живет в маленьком приграничном городке, скрывая истинный облик за внешностью старушки-знахарки. И жизнь течет своим чередом... Но все меняется, когда в город приходит война. И волки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118364-6

© Медведева А. В., 2019
© Автор, 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Гусейнова, Алёна Медведева

Страшная сказка о сером волке

Глава 1

Осень. Как много скрывается невероятного в этом слове. Скорые сумерки, ветер, который пробирает до дрожи, еще по-летнему яркое солнце, шелест падающей желто-красной листвы и аромат увядающей, но пока зеленой густой травы.

Я сидела, сгорбившись, у могилы матери, единственного близкого мне существа, которая так рано ушла из жизни. Прошло три года, а я по-прежнему слышу ее мягкий воркующий голос, чувствую тепло небольших, но таких заботливых рук. Помню наши посиделки у огня, когда за окном гудит вьюга, а мама, сидя у очага, учит меня самому важному – магии. Мысленно представляю добрые, ласковые зеленые глаза, которые всегда так ярко горели, глядя на этот мир.

– Мама, мамочка, как же я по тебе скучаю, родная моя, – шепнула я, положив ладонь на земляной холмик, покрытый зеленой сочной травкой.

Я вернулась сюда с единственной целью – навестить могилку любимой родительницы. Странно, почему на кладбищах трава всегда до поздней осени не увядает? Словно здесь свой закрытый мирок и время течет немного иначе.

Убрыв могилу, обошла ее вокруг, обновляя чары защиты и отведения от зла. И лишь затем, подобрав клюку, с тяжелым вздохом попрощалась, сильно надеясь, что дух матери слышит меня, и будет спокоен за единственное дитя.

Я шла по тропинке от кладбища к городу, погруженная в свои мысли, и не глядя по сторонам. И вдруг наткнулась на молодого парня. Не осознавая, с презрением и страхом уставилась на него: среднего роста, русоволосого и голубоглазого – грозу женских сердец. По крайней мере три года назад его так называли городские кумушки Северени.

Петрун Яродец – когда-то и я считала, что он симпатичный и милый, пока не расцвела моя красота, которая привлекла его внимание.

– Чего уставилась, старая карга?! – крикнул он, с силой толкнув меня в плечо, оттесняя с пути. После, пройдя мимо, добавил со злым смехом, обращаясь к своему неизменному спутнику и поделнику: – Смотри, Проха, бабка себе место присматривает.

Сидя на земле, там, где и упала, я смотрела в спину своему кошмару: три года он снился мне в самых страшных снах. Заставил бежать из родного края, скрываться под личиной сломленной недугом старушки, и бояться всего и всех. А особенно мужского внимания.

Раньше он прятал злость и вспыльчивый характер, теперь, судя по всему, нет. Единственный сын главы города, наследник и любимчик судьбы, ему сходило с рук все. И попытка изнасилования дочери городской целительницы – тоже.

* * *

Мне тогда исполнилось восемнадцать лет, самый расцвет для юной девушки, только и осталось, что найти хорошего парня и свадьбу сыграть. Да не для меня такая судьба оказалась. Моя мама – магиня из старого магического рода, известного своими целителями. Она могла бы жить в комфорте, достатке, и замуж выйти за достойного мага, но вместо этого переехала на окраину Северени – маленького городка, расположившегося на торговом тракте, что соединял два королевства.

Никто не знал причину такого поступка, мама оборвала все связи с родными и близкими, из известной целительницы превратившись в городскую знахарку. В Северени все знали ее как вдову, чей муж погиб в одной из военных заварушек, бесконечно вспыхивающих на наших землях, и даже не успел увидеть новорожденную дочь.

Будучи еще ребенком, я никак не могла понять, почему мама не любит гостей, не заводит дружбу с местными женщинами, не подпускает к себе женихов, которые толпами ходили за красивой молодой целительницей. Мама отказывала всем, занимаясь лишь лечением да мной, воспитывая из меня свою будущую достойную замену. С малых лет меня учили всему, что должен знать опытный маг жизни. Она таскала меня за собой и к больным, и к роженицам, когда мне минуло двенадцать лет. Учила собирать нужные травы и варить зелья.

А потом, когда случился мой первый оборот, правда для меня открылась. До десяти лет я, так же, как и все местные горожане, искренне считала, что иные – зло. Что темные маги воруют души и толкают на нечестивые дела. Что эльфы превращают людей в рабов, и стоит попасть в их леса, ты пропадешь навеки. Что оборотни – это монстры, живущие в облиии чудовищ и пожирающие сердца своих врагов, становясь при этом сильнее и кровожаднее.

В десять лет маленькой испуганной девочке сложно было поверить, что приобретя вторую ипостась с мохнатой волчьей шкурой, лапы и хвост, она не превратилась в ужасного монстра. И если держать рот на замке, ее не сожгут горожане на площади, как причину всех невзгод и лишений, а местный священник не проклянет, отлучив от церкви. Но именно тогда я поняла, почему мама отказалась от всего. Она сделала это ради меня, своего ребенка.

Много лет я пыталась узнать, кто мой отец и как так случилось, что его нет рядом с нами, но она молчала. Только смотрела на меня дивными ласковыми зелеными глазами, в которых виднелась скрытая, но глубокая боль, страх и непримиримость. Свои тайны раскрывать она не желала. А может быть, не хотела, чтобы я знала и страдала еще больше. Ведь я и так уже в детстве поняла, что не будет у меня счастливой семьи, детей, и любви не будет. Кто ж захочет, чтобы кровь оборотницы передалась нормальному человеку? Кто свяжет свою судьбу с такой девушкой?

Сильные маги живут гораздо дольше обычных людей, намного дольше. Почти так же долго, как иные. И я надеялась (а может, и мама тоже), что, когда я вырасту и стану самостоятельным целителем, мама сможет подумать о мужчине и семье, вернуться к родным. Мы не говорили об этом, но сейчас я думаю, что, скорее всего, так и случилось бы. Мама слишком много уделяла времени моему образованию, обучению как мага, торопилась отдать мне все, что знает и умеет сама.

А главное – она любила меня крепко, за весь мир, чтобы я никогда не чувствовала себя одинокой или ненужной. Она любила и заботилась обо мне до самой смерти.

Мой восемнадцатый день рождения – он стал началом самого жуткого периода в моей жизни. Но кто ж знал? Мы к нему готовились как к самому чудесному дню.

Полнолуние, необходимое для обряда совершеннолетия, который проводится у магов для полного раскрытия силы, пришлось на первый день недели. В ту ночь мы обе плакали от счастья: я стала полноценным магом жизни. Мама боялась, что кровь оборотня помешает силе правильно развиваться, убьет во мне сильного целителя. Но и сущность волчицы, и магия жизни нашли общий язык, сплелись воедино, перестав сдерживать мое взросление и развитие. И в тот день из юной нескладной девочки я, наконец, превратилась в девушку. В стройную невысокую брюнетку, толстые черные косы которой достигали ягодиц. Овальное личико с молочной кожей, яркие желто-зеленые раскосые глаза в обрамлении пушистых черных ресниц, идеальные дуги бровей, высокие скулы и чуть вздернутый нос. И яркие губы в форме сердечка. Слишком красива и слишком грациозна... по-звериному чувственная. Это и предопределило будущие события.

Спустя два дня после обряда не стало мамы. Она возвращалась ночью от роженицы, были трудные роды. А путь так знаком и привычен. Тем летом в деревне случился коровий мор и погибшую скотину выбрасывали в лесу, неподалеку от города. Горожане ругали сельчан за трупный запах, что привлек диких животных, да и своры собак совсем озверели. Но решать проблему никто не хотел – пока не нашли поутру местную целительницу, растерзанную до смерти звериными клыками. Обвинили хищников, помогли оставшейся сироте похоронить мать, и забыли. А в воскресенье, когда я в сумерках возвращалась с могилы матери, убитая горем, меня подстерег Петрун со своей сворой подпевал. И затащил в ближайший сарай.

Мне повезло, просто невероятно повезло. Пока он распутывал ремень на своих штанах, я смогла, одурев от ужаса и подчинившись животному инстинкту, полоснуть его когтями по лицу и груди, а потом приложить поленом по темечку, чтобы не привлек внимание дружков своими воплями. Несясь домой, я не думала о том, что смертельно рискую быть разорванной диким зверьем, как и мама. Я до ужаса боялась Петруна, ощущения его липких губ на своей коже, шарящих по моему телу рук и дурного запаха плохо мытого мужского тела.

Оказавшись дома, я металась по двум комнатам нашего жилища, как безумная, гадая, что предпринять. Глубокие, кровавые следы на его лице и груди, что оставили мои когти, однозначно не нанесешь ногтями человека. Это выдаст меня как оборотницу. Могут сказать, что я безумный монстр, который напал на сына городского главы и его друзей. Сама напала... а может, и маму убила?..

Именно эти мысли заставили больше не раздумывать, а действовать. Я собрала вещи, достала из тайника накопленные мамой деньги, и ушла ночью в неизвестность. Сбежала!

То был долгий путь, наполненный болью из-за смерти мамы, одиночеством и диким страхом, что догонят, поймают и казнят. А еще множеством мыслей о том, как жить дальше.

«У меня есть профессия, устроиться знахарка сможет везде. Только внешность мешает. В любом месте я сразу привлеку внимание. Ни одна девушка не сможет защитить себя, если за ней не стоит мужчина. Сильный, способный постоять за себя и свою семью».

Мама была отличным целителем и опытным магом, но еще важнее – заботливой и ответственной матерью. Она научила меня очень многому за восемнадцать лет – эти знания и спасли меня. Утром, отыскав возле проселочной дороги небольшой пруд, я вспоминала, как создавать иллюзию. Как ее наложить и удерживать вне зависимости от настроения, событий или собственных действий.

План был прост: иллюзия, что станет моей второй внешностью, способна защитить от ненужного мужского внимания. Добавит необходимой солидности, ведь юной девушке вряд ли кто-то доверит свои заботы и проблемы. И грабители на дорогах редко нападают на стариков, которые пешком бредут неизвестно куда: что с таких возьмешь?!

И вскоре я своего добилась! Мою иллюзию, сотворенную на заклинании крови, никто не сможет распознать, а тем более развеять или заглянуть под нее. Ни светлый маг, ни темный.

В Мерунич – пограничный городок в дне пути до столицы нашего королевства, я входила, как пожилая женщина весьма страшной наружности. Найденная в лесу прочная палка послужила хорошей клюкой, чтобы отгонять проходимцев от моих вещей, и собак, чующих мою волчицу и огрызающихся на нее, по холке огревать, да и на мальчишек, дразнивших старой каргой, zahахнуться с угрозой можно.

Идеальное прикрытие.

* * *

Вынырнув из воспоминаний, я вновь посмотрела в спину Петруну и мысленно усмехнулась. Хотя грех это для мага жизни – радоваться чужому проклятию, но я сейчас не чувствовала

себя виноватой. Только сильный целитель смог бы увидеть, как насланное кем-то проклятье «сжирает» силу и здоровье молодого парня.

Видимо, сильно он кому-то насолил, ох, сильно!

Хотя, не удивительно, что Петруну проклятье «подарили»: по Северени ходило много слухов, что сын главы попортил достаточно девок, чтобы вызвать чужую ненависть.

Кряхтя, тщательно сохраняя образ старухи, я встала на ноги, отряхнула серое, непримечательное платье, расправила теплый плащ и медленно пошла прочь. Скоро от города отправится обоз по тракту, мне надо на него успеть, чтобы вернуться домой в Мерунич. Три года я боялась появиться в Северени, а сейчас шла с горькой радостью на душе. Я смогла навестить мать, заодно и злодея из прошлого увидела, узнала, что и он получил по заслугам. Хотя у каждого из нас есть свое проклятье, у меня – вторая сущность, которую я до сих пор не могу принять.

Глава 2

Утро. Такое ласковое, безветренное, воскресное утро. До десяти моих лет это было самое любимое время: мы с мамой ходили в церковь, часто толклись на местном городском рынке, слушая сплетни, покупая сладости и ароматные горячие пирожки. Частенько мне позволяли посмотреть представление кукольника или пообщаться с местной детворой.

Но все это было раньше, до того, как я стала проклятой.

Я тщательно почистила латунь нательного крестика, чтобы никто не усомнился, что он серебряный. Оделась в привычную одежду: аккуратное шерстяное синее платье, поверх него старая душегрейка, скрывающая девичьи аппетитные формы, а сверху еще одно платье, бесформенное, слегка подпоясанное плетеным ремнем, на котором часто висел небольшой ритуальный нож для сбора трав да ритуалов в исцелении страждущих.

В первые дни своего «перевоплощения», одеваясь подобным образом, я напоминала себе многослойную луковицу, но рассчитывать исключительно на иллюзию перестала быстро. Еще в самом начале бегства, на тракте, надо мной, «старой» женщиной, смилостивился один из торговцев и пригласил на телегу. Больше того, он сам подсадил меня на нее, и я видела его изумление, когда вместо оплывших жирком боков неказистой коренастой старушки под его руками оказался стройный девичий стан.

Я быстро учусь на своих ошибках и дважды их не повторяю. Пусть жарко под несколькими слоями одежды, но жар костей не ломит, в отличие от костра на площади для проклятой оборотницы.

Пока шла к церкви, встретила много знакомых лиц – за эти три года в Меруниче я влилась в городскую жизнь. Успела обрести широкий круг подопечных, что приходили за исцелением именно ко мне. Да, золотыми мне не платили, для богатых горожан имелся настоящий маг-целитель, но мелкие торговцы, да простой люд не чурался обращаться к старой знахарке, что поселилась на краю города.

Знакомый фасад здания, где, несмотря ни на что, я чувствовала себя хорошо. Запах ладана и воска мой нос волчицы ощутил заранее. Я поклонилась перед входом, чувствуя, как тело напрягается в преддверии неизбежной боли. Но это небольшая плата за возможность быть «как все». Жить в окружении людей. Не быть в одиночестве.

Я опустила руку в небольшую чашу у входа, где плескалась святая вода. Туда явно добавляли немного серебра, потому что мои пальцы знакомо обожгло, отчего на глазах выступили слезы. Но к этой боли я привыкла – не подав вида, шагнула дальше по проходу. Обожженные святой водой пальцы – плата за мою тайну, за покой и безопасность, что дарит этот город! Каждый входящий вслед за мной видит: я не иная. Я своя!

А ожоги можно быстро залечить магией, что я и делала каждый раз.

Прослушав службу, вышла на улицу и поковыляла к городской площади. Я соблюдала наш с мамой старый ритуал. Потолкаться среди народа, послушать сплетни и слухи, угоститься чем-нибудь вкусненьким и насладиться представлением. Это было мое время: когда не думаешь о плохом или необходимости выглядеть и действовать согласно образу, а лишь о себе и собственных впечатлениях. Время, чтобы почувствовать себя обычной, помечтать о несбыточном. Ведь мне всего двадцать один, сердце хочет так много, а разум твердит – невозможно, смирись с тем, что имеешь. Ведь просто жить – это уже так много.

– Ой, госпожа Лари, и вы здесь?! – воскликнула рядом, вынырнув из людского потока, самая большая сплетница Мерунича – госпожа Матая, жена капитана городских стражников.

Сама-то она пользовалась услугами мага, но мне часто приходилось бывать в казармах у городской стены, чтобы подлечить то одного бедолагу, то другого. Поэтому мы были хорошо знакомы. Да и зелья омоложения она у меня тайком от всех покупала.

– И я здесь, – кивнула степенно. – В церковь ходила, сейчас вот на людей посмотреть хочу, да новости послушать, что нового в мире делается...

– Пойдемте, уважаемая Лари, – подхватила меня женщина под локоть и потащила к импровизированной сцене, где скоро ожидалось выступление заезжих артистов. Там предприимчивый трактирщик, как обычно, вынес столы да лавки, приглашая перекусить на свежем воздухе, а заодно и на удобных местах представление посмотреть.

Один из столиков заняла пара матрон – тоже жены местных стражников чинами повыше. Одна из них – госпожа Алая, не так давно дочку ко мне приводила, любовный приворот снять. Оказалось, любовь настоящая, а девка носит под сердцем ребеночка. Тогда я наотрез отказалась убивать плод, а недовольной мамаше легенду поведала: если любовь убить, она никогда не вернется вновь. И готова ли она лично лишит дочь и любви, и дитя?

Не знаю, кому повезло: мне, непутевой сердобольной знахарке, наивно верящей в справедливость и любовь, или беременной влюбленной девушке, которая все это время простояла в дверях ни жива, ни мертва, но Алая расплакалась сама. Слава всем богам, они сейчас готовятся к свадьбе, и это радует мое сердце мага жизни.

Главная стражница Мерунича уперлась большой грудью в столешницу и заговорщицки зашептала:

– Обозники новости с юга везут. Говорят, в столице суета. К войне готовятся.

– Да ты что, – ахнула Алая, быстрым взглядом шаря по толпе народа, выискивая свою единственную дочь и ее жениха. – Кошмар какой. А до нас-то день да ночь пройти...

Ясно, что ее взволновало: как бы дочь участь вечной невесты не ожидала.

– А с кем? – вмешалась вторая дамочка. – Только бы не с эльфами проклятушими.

– А что, темные лучше, что ли? – вытаращилась Матая на подруг. – Или, не приведи высшие, оборотни? Одни душу заберут, а вторые на ужин пустят.

– Да, но в рабство тоже не хочется, – поморщилась ненавистница эльфов.

– Девоньки, хорошие мои, – тщательно изображая старуху, умудренную опытом и возрастом, глухо произнесла я. – До столицы далеко, да и кому нужен наш приграничный городок?

– Кому души нужны, да мясо свежее, человеческое...

Я шикнула на разговорчивую женщину, бросая быстрый взгляд в сторону: паники еще только не хватало. И пусть я в разы моложе этих трех балаболок, но в образ я сильно вошла. Каждый знает, маги живут столетиями, а простые знахарки с толикой силы, какой представлялась здесь я, до старости пару веков да разменяют. Вот и позволялось мне по-простому к высокопоставленным матронам обращаться, да учить порой жизни.

– Не нагоняй страху. Да и вспомните, кто мужья ваши. Сидели бы они в благости, да пили бы пиво, если угроза нешуточная была? Стены городские высокие, стража мужики сильные, опытные. Если что – отобьемся.

– Ой, не знаю, ой, не знаю, – чересчур наигранно трагично качала головой главная паникерша города, Дария. – Меньше недели пути и земли оборотней начинаются, а ближе к востоку – Темное царство. Там на границах постоянно сеча какая-нибудь. Вдруг и до нас докатится?!

– Последняя война у нас тридцать лет назад была, еще при прошлом короле. А уж сколько годков все тишь да гладь, да божья благодать. – Тоже решила добавить своего мнения Матая.

– Пока наш новый король под свои знамена не собирает мужиков, значит, сплетни всё. Не быть войне. – Внесла разумное замечание Алая.

– Мой свояк недавно в столице был. Говорит, посольство от Темных прибыло, да еще и младший наследник с ними. И с темными даже оборотней видал. Вдруг да какой-нибудь союз затевают? Не дай высшие, военный...

– А против кого воевать-то?

– Известное дело – было бы кому, а против кого, всегда найдется. Мало ли королевств богатых, особенно из тех, что к морю выход имеют.

– Свят, свят, свят, – перекрестилась Алая, и я вслед за ней, скорее для поддержания разговора. – С темными, да нелюдями всякими связываться – себе дороже. Неминуемо боком выйдет, они под шумок все разведуют, нашими руками все угли разгребут, а потом на нас же и нападут.

Мы дружно закивали: не поспоришь.

Разговор ни о чем, может, и продолжался бы до самого вечера, да представление началось. Цирковое. И мы вчетвером вмиг забыли обо всем, увлеченно следя за выступлением, прихлебывая горячий сидр, да заедая его сладкими горячими пирожками. Мирное время оно беспечное...

Распрощавшись с главными городскими сплетницами, направились назад к своей избушке. Манера двигаться размеренно, прихрамывая на одну ногу, стала уже неосознанной. Шла, избегая больших улиц, погружившись в мысли об услышанном, когда окликнули:

– Госпожа Лари?

Голос узнала – достойный парень, старший сын почившего уже плотника. Мастеровитый, работающий... Один из подопечных моих недавних.

– Не болит ли чего, Гриня? – Жамкая губой, постаралась я произнести вопрос с подходящим знакомству достоинством. – Оправился?

– Вашими заботами, госпожа Лари, – парень до земли поклонился, опуская рядом со мной корзину, накрытую тканью, да приличный такой плетеный из лыка туесок, – здоров и полон сил. Как заново родился, хотя думал, что света белого не увижу больше.

– Вот и славно, – под личиной старческой с искренней радостью улыбнулась я. – Хорошим людям помогать – доброе дело делать, мне ли, старухе, не знать.

– Вот матушка вам велела пирог свежий отнести, брат поутру специально в лесу малины поздней набрал для начинки – она самая сладкая. А я вот... орехи тут... на леснице собрал.

Я невольно слюну сглотнула: редкость в этих краях лесница, южнее она растет, а уж какие плоды у нее вкусные – век есть и не наесться. И как нашел? Да еще целый туесок набрал!

– Уж вы меня на славу угостили, – закивала головой. – Только зачем же мне старой много так, отсыпь горсть – и хватит. А остальное матушке снеси, на зиму сохранит, или продаст – за орехи с лесницы можно много запросить.

Не в первый раз за последние дни гостинцы мне Гриня или брат его приносили, явно решив присматривать за «старушкой».

– Госпожа Лари, – проигнорировав мои слова и снова подхватив свою ношу, а заодно и мою корзину с ярмарочными покупками, парень двинулся вперед – к моему дому, – провожу вас. Может помощь какая нужна? Вы всегда скажите. Дров ли запasti или крышу обновить?

Моему домику хозяйственная рука бы не помешала, да только страшилась я настолько сблизиться с местными. И сейчас, прихрамывая и шагая рядом с Гриней, чувствовала себя беспокойно.

– Хороший ты парень. Жена твоя забот знать не будет, – вроде и на манер почтенной матроны, но и с истинной верой в душе, предрекла ему.

– Госпожа Лари, – засмутился парень, – будь вы годков на пять помоложе – женился бы на вас. Добрая вы женщина.

Он сказал, желая меня уважить, да только за живое задел.

«Не женится никто на мне, одной век свой проводить» – думала я, с благодарностью отправив молодого лесоруба домой, стоило ему меня проводить. Тяжело было на моей душе.

Присев на скамью у окна, вспомнила, как впервые увидела Гриню. В тот день тоже возвращалась с ярмарки домой, и тоже услышала окрик:

– Госпожа Лари?

Оглянувшись, заметила мальчишку, что явно спешил догнать. Одет небогато, но чисто. Рубаха линиялая с братского плеча, но теплая, и заплатка на плече пришита ровно.

– Чего кричишь? – По-старушечьи покряхтев, остановилась.

– Мать послала вас найти, беда у нас. Я уже и к дому вашему сбежал, но так и подумал, что на актеров заезжих вы пошли смотреть.

И тут я вспомнила, чей мальчишка будет – сын вдовы одного из местных плотников. С двумя сыновьями женщина осталась, когда муж ее с лесов высоких рухнул. Поговаривали, что на прочные бревна глава городской поспешил, согнав строителей для постройки часовни.

А как не стало хозяина, трудно семье пришлось. Старший из сыновей пошел на работы наниматься, груз ответственности за кусок хлеба на плечи свои принял. И опять беда у них?

– Что случилось у вас? – Не помнила я, чтобы вдова плотника хоть раз ко мне обращалась. С хворями они сами боролись, поначалу не на что было даже знахарку позвать.

– Брат мой старший... – отдуваясь и переводя дух, зататорил паренек (на вид лет шесть ему, но может и больше – больно худой!). – Седьмицы две назад, когда для рва городского мужиков колья заготавливать отправили, руку поранил. Думал, царапина, на Грине нашем все само заживает. А только не в этот раз... Какую ночь лежит, в себя не приходит. Матушка ему и припарки из коры древесной делала, и настойкой своей травяной поила – без толку. Вот вам кланяться велела...

Сердце защемило: душа целителя к чужой боли безразличной остаться не может.

– Дорогу к дому показывай, – едва не позабыв «про возраст», немедленно решила я помочь и молодому лесорубу, и семье их – повторной утраты кормильца им не пережить.

Жилище бывшего плотника смотрелось... надежным. Пусть и нет кованой двери, да красивых занавесей в окне, а видно, что уход за домом имеется. Основательно, без желания пустить пыль в глаза: и крыша перекрыта, и забор обновлен.

«Хозяйственный старший плотницкий сын» – подметила я походу, пока с кряхтением спешно взбиралась на крыльцо. Еще не видя больного, уже знала: все силы отдам, чтобы помочь.

Хозяйка вышла навстречу вся в слезах и с отпечатком глубокой печали на лице.

– Совсем плох... – только и сказала мне, явно с трудом сдерживая рыдания.

Мною же двигало только стремление помочь... исцелить. Прошагав за младшим в дом, сразу шагнула к широкой кровати в углу, где в полутьме тяжело дышал старший из братьев в горячечном бреду. В нос сразу ударил запах... гнилой плоти. Еще не коснувшись больного, я уже знала, что с ним.

– Что ж раньше не позвали? – скорее сама себе посетовала вслух. Дотянули!

Вдова позади только надрывно охнула, уткнувшись в передник. Я и так понимала: нечем платить мне. Да только вот одного они не знали – я бы и за корзину яблок помогла! И ту взяла бы ради молвы.

До утра в тот день просидела с горячечным, силой своей исцеляя, да «яд» убийственный из крови его вытягивая. Сама обессилела так, что хоть рядом ложись. Но пока не убедилась, что от черты роковой его не отделила – покоя себе не давала. И через день пришла, и через два – принесла настойки укрепляющие, чтобы силы молодые восстановить. В них то и видели секрет исцеления люди.

– А вот лучше яблочек мне лесных принесите, – отмахнулась тогда от попытки вручить мне серебряную полушку, знала, что пригодится она еще семье – не сразу сила в руку парня вернется. – Старость, она такая – самой-то уж не набрать.

В тот же день принес мне младший вдовый сын яблочек. Да каких! Ароматных, да сладких – как специально отбирал. И яблочками дело не закончилось, теперь всякий раз гостинцы братья мне из леса заносят. Как и сегодня. Переведя взгляд на туесок с орехами, причмокнула, предвкушая их терпкий вкус.

«Хороший ты парень, Гриня. Надежный, – надкусывая первый орех, вздохнула я, – только быть моему домику без хозяина».

– Ах, ты ж!

От безрадостных размышлений отвлек шум во дворе. Как если бы кто-то споткнулся о неровный мосток и теперь шипел, прыгая на одной ноге. Известное дело – маленькая хитрость, всего-то и стоило прежде расшатать и подсунуть под одну дощечку камень. Сама, зная, стороной ту деревяшку обходила, а кто посторонний, без уговора, во двор совался – всякий раз об нее и спотыкался, давая мне время приготовиться.

С несвойственным старости проворством я быстrehонько подскочила со скамьи, замешавшись по дому. Туесок с орехами отправился в глубокий сундук у стены, и недошитое платье – следом. А мало ли кто приметит, что по девичьей мерке оно скроено? Привычка таиться и осторожничать – свое взяла, и когда спустя всего минут пять дверь распахнулась, я чинно восседала за столом в идеально прибранной комнате, по-старушечьи причмокивая чай из блюдца.

– Госпожа Лари?

Надменный тон гостьи насторожил, а уж явное разочарование, отразившееся на лице, стоило ее взгляду скользнуть по деревянным стенам, и вовсе навело меня на подозрения. И чего она ожидала тут увидеть? Лапки лягух и пучки из сушеных летучих мышей? Или полки от пола до потолка, приворотными зельями уставленные?

Дом мой пусть и не отличался богатым убранством, да скатертями-занавесями красными, но неизменно выглядел чисто и опрятно. Еще мама к порядку приучила!

– Агась, милая.

Старательно подражая обычным старушкам, закивала я головой. Лицо девушки – румяное и широкое – казалось знакомым, а платье с расшитым подолом, да ленты яркие выдавали в ней не бедствующую горожанку. Для больной вид гостьи был слишком цветущим, да и запыхавшимся, спешившей к немощному позвать, она не выглядела. Неужели?.. Таких вот посетительниц, не от большого ума, являвшихся ко мне за всякими снадобьями «от всего», я старалась избегать.

– Ты это... госпожа Лари... говорят ты большая мастерица хвори всякие лечить, – припустилась, чуть замаявшись, девица. – Того... у меня вот хворь приключилась... сердешная.

Ну, началось! Предчувствие не подвело, такие вот горожанки с болезнями своими предпочитавшие к лекарю обращаться, с сердечными же «идеями» зачастую в мою дверь стучались. Что знахарка, что ведьма – все рядом, рассуждали они.

Да только мне такой славы и даром не надо, так что и выпроваживать их я научилась. Многого мне не требовалось, и того, что за лечение небогатый люд давал – хватало. И лес кормил, помогал – оттуда я завсегда, за травами собираясь, еще и ягод, и меду, и грибов несла. Меньше всего хотелось из респектабельной старушки-знахарки по вине таких вот скудоумных превращаться в творящую ночами темные ритуалы городскую сумасшедшую. Что такое быть гонимой – мне знакомо.

– Ась? – притворяясь, что не расслышала, я приложила ладонь к уху. – Плешь, говоришь, появилась? Так уж не матушка ли за косы оттаскала? Ну с этой бедой я тебе помогу – мазь одну присоветую, да припарки из...

– Да что вы, госпожа Лари, не то говорите, – с досадой девица ногой притопнула. И тут же решительно двинулась ко мне ближе. – Хорошие у меня волосы, и сама я вся статная, да ладная. И отец мой купец не из последних. Да только Микола все в сторону Глашки смотрит. А что в ней? Ни родом, ни лицом, ни телом не вышла!

Да разве человека по внешности судить надобно? Вредить ему, если выбор его с твоими пожеланиями не сходится? Самодовольные и эгоистичные возмущения гостьи отозвались в душе болью за несправедливое отчуждение мамы, за собственные мучения, пережитые по вине такого же вот... негодая.

Сколько же бед причиняют самовлюбленные избалованные недоросли, которые привыкли получать все, что не пожелают. И нет бы девице этой попробовать очаровать этого

Миколу своим характером, да умениями. А если не выйдет, то признать, что насильно мил не будешь! А она... бегают по округе, зелье какое-то «волшебное» ищет.

– Ты, милая, не топай, пыль то чего поднимать? – с притворным сожалением я покачала головой и тут же поспешно добавила: – А и что там у тебя с глажкой? Спина что ль болит? Ишь волосы из-за нее, оказницы, выпадать могут? Уж тут я тебе не подсоблю...

– А-а-а! – в ярости немедленно заголосила гостья, еще больше усугубив мои впечатления. Явилась не званая, ворвалась без стука, да еще и кричит так невежливо. – Заговор мне от тебя нужен! Раз ты умелая такая, то и знать должна, что сделать надобно, чтобы он только меня видел! Заговор, понимаешь, заговор!

Последнее она проголосила на всю округу – хорошо, что я поселилась на окраине близ дороги на кладбище. И кроме ворон пугать здесь некого.

– Ах, запор у тебя! – с кряхтением заохала я, отставив кружку с чаем. – Чего же ты сразу-то не сказала?

Гостья даже зубами закрипела – так на меня зыркнула, что сама ни дать, ни взять – ведьма. Нависнув прямо надо мной, гаркнула в ухо:

– Наговор скажи! Как мне парня привадить! – и уже отступив, в сторону тише прошипела: – Слабоумная старуха.

– Забор-то прохудился, – горбясь и придерживаясь рукой за спину, прошамкала я в ответ, радуясь, что под иллюзией не видно, как я морщусь, на самом деле слегка оглохнув. Доковыляв до окна в искреннем стремлении оказаться подальше от гостьи, принялась тыкать в него пальцем, слеповато шурясь и поясняя. – Вот только плотницкий сын приходил, да дорого запросил за забор-то.

– Ааа!!! – взвыла окончательно взбешенная моим непониманием девица. Распроцавшись со своими надеждами, она, так же не прощаясь, развернулась и выскочила вон из моего домика, напоследок так треснув дверью, что с потолка посыпался ворох опилок. Уже с улицы до меня донеслись ее негодования: – Глупая бабка!

Кулем осев на лавку возле окна, я тряслась от смеха, одновременно утирая слезы. И радовалась, что без последствий избавилась от проблемы, и горевала, что в мире так уж устроено – добро и зло существуют рядом. Насколько различались мои сегодняшние гости. Один – щедрый душой и способный ценить добро, другая – ослепшая и оглохшая от собственной злости и значимости, не заметила бы любви, даже если бы уткнулась в нее носом.

И пока такие, как она, существуют на свете – не будет мне покоя, жизнь проведу в одиночестве, скрываясь под личиной старушки. Но и надежда на помощь всегда есть – пока есть такие люди, как Гриня и его семья.

Вздыхнув, оправила сбившийся передник и выбившиеся из косы прядки, прежде чем заняться повседневными делами. Девица уж точно болтать не станет – постыдится, что посмеются за разговор с глупой старухой. А с меня какой спрос?

Моя избушка пусть и крепкая, но старенькая, все равно радовала глаз. Небольшой огород примыкал практически к городской стене. Немногие бы решились здесь селиться, учитывая, что любая осада приведет врагов прямо ко мне во двор. Но домик три года назад стоял заброшенный, и городской глава оформил его покупку за копейки. Лишь бы не пустовал, да не привлекал грабителей или нечисть всякую. А мне все в радость: здраво рассудила, что основные тракты с другой стороны города. А с моей – ворота ведут лишь в глухой лес, да на кладбище.

Остаток дня я крутилась по дому, убираясь и делая заготовки для зелий: на зиму и для заказов на всю ближайшую неделю. Жизнь моя текла размеренно, без надрывов, но и лениться времени не было. И сейчас я тихонько пела, пританцовывая, пока перестилала белье и накручивала тряпицы для перевязок. Сушила травы, да перетирала их, чтобы пустить потом на зелья целебные.

Мой дом явственно пах цветочным лугом, а на чердаке – немного лесом. Там висели грибы, ягоды, мох, и много шишек. Лес я любила: он притягивал и очаровывал меня безмерно. Я знала, он многое может дать, особенно знахарке, хотя и забрать может, часто – жизнь. О гибели мамы не забывала.

Но я лес считала другом, и он меня еще ни разу не подводил.

Глава 3

– Здорова будь, госпожа Лари, – поприветствовали меня с разных сторон стражники.

– И вам так же, – чинно кивала я в ответ, без суеты направляясь к воротам.

Мужчины привычно толпились у дальней городской казармы. Здесь был построен приземистый неказистый дощатый барак, чтобы зимой стража у ворот, которые имели малую проходимость и не так часто использовались, могла согреться или переждать непогоду, не покидая постов.

Я старательно ковыляла, подходя к сторожке, из нее мне навстречу вышел Муршик, один из моих бывших больных. Уже в летах, но еще не старый стражник, хоть седина и искрилась серебром у него на висках.

– Здорова будь, госпожа Лари, – тоже поздоровался он.

– Как нога? Еще беспокоит? – поинтересовалась я.

– Вашими хлопотами да молитвами все прошло. А вы, стало быть, в лес? За травками?

– Да, надо пополнить запасы. Да и время сейчас хорошее, полная луна, все растения самую силу набирают. Кровохлебка отцвела, надо семена собрать, хорошие отвары из них выходят. Целебные...

– Сумерки уже, не боитесь? – хмуро, но с заботой спросил мужчина.

– Да кому я нужна, господин Муршик? – я улыбнулась, мысленно представляя, как улыбка искажает испещренное морщинами, носатое лицо с бородавкой на щеке у моей иллюзии.

Он хмыкнул почти согласно, но возразил:

– Ну, может мужичье на тебя, госпожа, и правда не позарится, а вот зверью все равно, молодая ты или старая. Да и... слухи бродят всякие.

Я, распахнув глаза, замерла у внушительной двери в воротах.

– Это какие ж слухи? Что ты за старуху испугался?

Муршик немного замялся, прежде чем озвучить ответ, а потом все же произнес негромко:

– Обратней на тракте видели. И Темных. Говорят, в столицу те делегацией приехали, да что-то не заладилось. Утром разнарядку нарочным прислали, требуют усилить кордоны, да не спать на постах.

– Ох, – я искренне расстроено прижала ладонь к груди: не зря бабы шептались.

– Вот тебе и ох, госпожа Лари. Так что будь там в лесу осторожней. Да по сторонам поглядывай лишний раз.

– Обязательно буду, – кивнула я. – Но запасы пополнить при таких новостях тем более надо. И поболее, чем думала! Чем же я вас горемычных лечить буду, ежели что плохое случится.

Муршик нахмурился и согласно кивнул.

– И тут твоя правда, с твоими травками да настоями спокойнее службу нести.

Я благодарно улыбнулась и больше, не тратя времени на болтовню, поковыляла прочь. Ворота остались позади, я укуталась в свой темный, выдавший виды, но теплый плащ и жадно вдыхая воздух, направилась к лесу.

Странно: я не признавала свою мохнатую сущность, подавляла ее, как умела, но стоило оказаться в лесу, как у меня за спиной словно крылья вырастали. Душа пела в унисон с природой – я любила лес. Жила в постоянном страхе, что мою тайну раскроют, но еще больше я боялась одиночества. Я слишком нуждалась в живом тепле, и мечтала, чтобы хоть кто-то нуждался во мне. Как говорила мама: это истинная черта всех магов жизни – быть нужными. Необходимыми!

За размышлениями, переходя от полянки к полянке, мой мешок неспешно, но почти заполнился нужными сборами и травами. Сумерки накрыли лес, но круглая, сияющая прозрачным светом луна хорошо освещала округу. С моим волчьим зрением все было видно, как на ладони, поэтому особой нужды спешить засветло в город я не видела.

Мысленно, испытывая прилив сил и бодрости, что всегда дарит лес, я потирала ладони от удачного похода, но тут неожиданно уловила странный запах. Ветер принес его с севера!

Запах, что заставил меня резко замереть на месте, жадно принюхиваясь. Целая смесь ароматов. Незнакомых! И среди множества разных оттенков, придававших стремительно налетевшей мешанине ароматов интригующую многогранность, особенно выделялся один. Самый... вкусный. Завораживающий.

С одной стороны, я насторожилась, напряженно озираясь в поисках источника, а с другой – испытывала неодолимую потребность устремиться навстречу. Что-то во мне словно потянулось на этот запах, уговаривая: может, мы только чуточку полюбопытствуем, что там так заманчиво пахнет?

Подхватив свой растолстевший, но легкий мешок, я осторожно скользнула между деревьями, углубляясь в чащу. И чем дальше я шла навстречу источнику аромата, тем тише вокруг становилось. Меня посетила тревожащая мысль, что животные затаились, спрятались от более свирепого хищника, чем те, что и так бродят в ночи. И объект их опасений точно не моя волчица.

Я уже замедлила шаг, оглушенная подозрениями и ощущением опасности, от которой на затылке зашевелились волосы, но не успела образумиться. Позади треснула ветка. Небольшая. В другой ситуации я бы на это и не среагировала, но сейчас замерла от ужаса и похолодела. Неосознанно прислонилась к шершавому стволу дерева, ища у него защиты и опору. В нос ударил яркий запах смолы, отвлекая мой нос от других ароматов.

В голове же билась мысль: «Я же там только что прошла и никого не видела?!»

Уже в следующий миг, встряхнувшись, как дворовый пес, я оттолкнулась от дубка и, ускорив шаг, продолжила двигаться вперед. Правда, уже вынужденно – казалось, кто-то следит за мной из кустов. Напряжение в душе нарастало, окружающие деревья и высокие ели скрипели, шатаясь под порывами осеннего ветра, словно с угрозой. Луна сейчас не казалась доброй подружкой, а светила как-то зловеще и предупреждающе.

Новый шорох: он словно толкнул к вековой сосне, заставил укрыться за ней, но, судорожно оглядевшись, я вновь ускорила шаг. Забывая про старушечью неторопливость и «большую» ногу, сейчас я спешила, пыталась убраться от неведомой опасности.

Возникло ощущение, словно меня гонят... как зверя, загоняют в ловушку. И тут... движение прекратилось, я неожиданно вышла на опушку. Почти круглая небольшая поляна, залитая лунным светом и несколько крупных, зловещих, мужских фигур с противоположной от меня стороны. Они замерли у самой границы лунного света и тьмы, что выползала из леса. И запах, тот, который вызвал такую бурю восторга во мне, так манил, теперь ощущался особенно остро. Пусть он смешивался с десятком других, но все равно сильно выделялся. Больше того, к нему добавился еще один – вплетаясь в привлекавший меня аромат, он воспринимался неразрывно – запах крови.

Бегло осмотрев мужчин, я похолодела от ужаса, сообразив, что оказалась в большой опасности. Проклятая волчица притащила меня в ловушку!

Мое появление не стало сюрпризом – это я осознала сразу. За спиной вновь раздался шорох, отчего я невольно шарахнулась к центру поляны, а следом за мной из-за деревьев появились еще двое мужчин. Их глаза светились в подступивших сумерках, а выражения лиц с резкими чертами не предвещали ничего хорошего. Каждое их движение, повадки, все говорило – ими управляет зверь.

«Оборотни!»

Двадцать один год я боялась этой встречи. Встречи с истинной собой или... с другими, подобными мне. Гадала: правду ли о них говорят? И вот представился шанс узнать на личном опыте.

Я затравленным зверьком отступала в сторону, пятась от грозно наступавших преследователей, пытаюсь одновременно взглядом удержать всех и каждого из этой зловещей компании. Неосознанно защищалась, прикрывая грудь и живот своим мешком, заполненным душистой травой и корнями. Глупость, конечно, разве для таких монстров станет преградой жалкий мешок, если надумают убить страху?

Теперь я смогла рассмотреть всех незнакомцев в полной мере и подробно: семеро мужчин (обоняние уверенно подсказывало – волки!), все, как на подбор, молодые, крупные, широкоплечие и... словно седые. В свете луны серебристый отлив их коротко стриженных шевелюр и вовсе смотрелся непривычно.

Оборотни, несмотря на ночную осеннюю прохладу, были в одних кожаных штанах. Единственное, что виднелось поперек мощных полуобнаженных тел – это походные сумки, переброшенные на спину. Лишь на двоих из них имелись плотные рубахи и плащи.

Тем приметнее на их фоне смотрелись... темные! Я, даже будучи основательно напуганной, сразу заметила эту отдельно стоявшую парочку. Колдуны, как их в народе называли, оба брюнеты. Их глаза светились голубоватым светом, все знали: они, как и мохнатые, поклоняются луне. Мама рассказывала, что темные проводят кровавый жертвенный обряд, что-то ценное отдавая своей Богине – покровительнице, а взамен она наделяет их властью управлять самой тьмой. И чем ценнее дань, тем сильнее колдун.

У этих двоих глаза словно голубые топазы сверкали. Ярко даже в ночи, видимо, отдали все, что имели, за власть и силу. Один из колдунов бережно прижимал к животу руку. Там виднелась пропитавшаяся кровью перевязь. Мысленно я грустно усмехнулась: среди темных не рождаются целители. Сейчас и маги, и оборотни, что находились на поляне, выжидая, уставились на меня.

А я... я вдруг осознала, что весь этот небольшой, но грозный отряд смотрится разгоряченным и немного потрепанным, словно недавно из боя. Смертельного!

– Кто ты, стар-рая? И что здесь делаешь? – негромко, с едва различимым на грани человеческого слуха рычанием, спросил один из тех, кто преследовал меня.

– Местная ведьма, что с нее взять, – фыркнул один из темных, явно испытывая презрение к любому человеку.

– Местная знахарка. Госпожа Лари меня зовут. – Сейчас с особенной тщательностью я подражала дрожащему старческому голосу. – И к ведьмам никогда не относилась ни сущностью, ни магией.

Я заметила, что один из колдунов уже открыл было рот, чтобы произнести что-то резкое (уж больно лицо его стало злым), но его опередили:

– Женщина, если ты поможешь нам, останешься в живых. Согласна?

Я посмотрела на оборотня, единственного из них, кто до сих пор открыл рот. Остальные стояли молчаливыми и оттого еще более зловещими изваяниями, не спуская с меня сияющих глаз и чутко прислушиваясь к звукам окружающего леса. Будто в любой момент ожидали погони.

– Смотри в чем будет состоять моя помощь, – осторожно прокаркала я.

– Она еще и торгуется, – словно желчь выплюнул замечание темный. – Ее соплеменники предают, нарушая договоры, едва на них успели высохнуть чернила, убивают мирных посланцев, стреляют им в спины, как последние трусы, а она торгуется!

– Я не торгуюсь, – шепнула я испуганно. – Если кто-то из вас нуждается во мне, как целителе, то мой долг помочь вам. Но если что-то иное... тайно провести в город или...

– Нет, – коротко оборвал меня волк. – Нашего альфу... нашего собрата ранили. И ты должна помочь ему исцелиться!

– Но, – я опешила, – всем известно, что оборотни обладают невероятной регенерацией... Зачем ему моя помощь? У оборотней тоже не бывает целителей, к чему они им?..

– Пока им в спину не стреляют дробью, смазанной в зачарованном жидком серебре. – Снова вмешался в разговор обозленный раненый колдун. – Пока эта серебряная смерть не отравит все тело, пока...

– Так поможешь? – оборвал волк темного. – Ведь ты хочешь жить?

Я молча кивнула, сама же судорожно решая, что делать. И вопрос совсем не в том, хочу или не хочу помочь. Нет, для целителя сложно отказать в исцелении, идти против своей природы. Даже темному я не отказала бы в помощи. Проблема в другом!

«Зачарованное жидкое серебро», – мысленно простонала я, услышав ярящегося колдуна.

Для меня, как для оборотня, оно тоже было смертельной опасностью. Поэтому и перебирала в памяти все возможные способы, чтобы спасти незнакомого раненого чужака.

– Пойдем за мной, – буркнул волк, не желая терять время на мои размышления, и направился к дереву с раскидистой вершиной.

Я тут же заметила, что там, в окружении полубоженных и взъерошенных оборотней, кто-то лежит. С опаской приблизившись к большой группе мужчин, которые, явно защищая, разместились вокруг своего альфы, как назвал его мой собеседник, я совершенно не ожидала услышать:

– Ты странно пахнешь, – произнес мой недавний преследователь, остановившись через несколько шагов и, по-звериному мотнув головой, заметно принюхался. Ноздри его трепетали, а сам мужчина задумчиво и с подозрением всматривался в меня.

Под этим изучающим взглядом я замерла, каждое мгновение ожидая, что вот-вот и мою волчицу почуют... распознают во мне полукровку. А что будет после, страшно было даже представлять. Полукровки рождались редко, так что естественно, про них мало что знали.

– Сладкая... – неожиданно добавил другой волк, стоящий немного впереди.

– Медовые пряники люблю, – не жива, ни мертва, ответила я, старательно подражая старушечьему голосу. – Может быть, поэтому сладким духом тянет?

Острое зрение позволило мне и в темноте лунной ночи заметить промелькнувшую в глазах собеседников иронию. Впрочем, она мгновенно пропала, уступив место сосредоточенной деловитости.

Они расступились, позволяя мне вплотную приблизиться к раненому. Мужчина был настоящим гигантом, если бы он стоял, я едва достала бы макушкой его плеча. Короткий ежик серебристых волос был измазан кровью и грязью. Лежал оборотень на боку, лица его я не видела, лишь слышала со свистом вырывающееся из глотки дыхание.

Раненого явно трясло от боли, и причина его страданий была очевидна. Множество небольших отверстий, а где-то и царапин, нанесенных дробью, изувечивших его бок... Вот только края этих ран совсем не были ровными. Словно поджаренные огнем, они обугливались и расплзались. Кровь, не утихая, сочилась из ран, пропитывая стылую землю. Заметила я и полу трансформировавшуюся руку оборотня. Пальцы, увенчанные острыми когтями, были покрыты кровью, словно он рвал ими свою плоть, не имея сил сдержаться.

Я присела рядом с ним на колени, отставив мешок в сторону. Привычно собравшись, погружаясь в процесс целительства, вернула и способность анализировать. Вдохнув его запах, поняла, что это именно он, такой терпкий, яркий и немного острый, звал меня за собой. Что даже кровь не отпугнула, а присутствующие здесь звери не насторожили. Чем же он так притягателен для меня?

Осторожно положила ладонь ему на широкое плечо и, слегка перегнувшись через мужчину, всмотрелась в черты лица. Искривленные мукой, они поразили меня. Оборотню, несо-

мненно, было очень больно – я бы на его месте кричала во всю силу легких, не имея сил сдержаться, и вряд ли осознавая хоть что-то. Он же понимал, что навредит этим шумом собратьям и не позволял ни единому звуку сорваться с губ. Но какого же невероятного напряжения ему это стоило! Я видела, с какой силой сжаты его губы – они побелели, превратившись в узкую линию. Широкий лоб прорезали две большие борозды – еще один след напряжения. Выражения глаз я не рассмотрела – веки оборотня были опущены.

Не классический красавец, на которого бы все местные девки засматривались, зато самый настоящий самец. Неукротимые звериные мощь и сила так и исходили от него во все стороны. Моя волчица остро реагировала на эти «флюиды», ощущая нешуточный интерес к оборотню. Грустно подумалось, что даже при смерти он излучает ауру силы, власти и несокрушимую волю.

Мысль о том, что этот умопомрачительно привлекательный волк умирает, наполнила меня странной непонятной тоской. Словно я теряю что-то самое главное в жизни, чего уже больше никогда не обрету...

Мотнув головой, оторвавшись от разглядывания его лица, я принялась за лечение. Сила целителя уже бурлила во мне, реагируя на чужую боль и стремясь выплеснуться наружу.

– Куда ж ему только не досталось... – бормотала я, не замечая, что делаю это вслух, всматриваясь в раны на его теле.

Оказалось, что живот тоже поврежден.

– Альфа никогда спину не подставляет! И не бежит от врага! Опасность он встречает лицом к лицу. – Рыкнул один из оборотней.

Я сноровисто оттянула пропитавшиеся кровью комки ткани (чь-то рубашка) от самой крупной раны на животе, оголяя гладкую мускулистую грудь, от которой перехватило дыхание. Но не от страсти или вожделения. Содрогнувшись в душе, удивилась: как он смог столько продержаться – вся грудина была разворочена.

Совсем недавно один из стражников хвалился, показывая новый тип арбалета. Он стрелял металлическими шариками, внутрь которых запаивали с десятков более мелких, зачарованных и серебряных.

«Специально для охоты на оборотней и темных, – сказал он тогда. – Последняя разработка столичных храмовников, но широкого распространения не получившая. Серебра уж больно много уходит, а большая часть рудников на землях темных».

Не из-за этого ли и заварился этот сыр-бор? Старательно подпитывая раненого своей силой, старалась думать о чем угодно, только не о невозможности его спасти. Даже готова была строить догадки о причине вспыхнувшей войны. Может быть, наш правитель пожелал захватить земли, где добывают серебряную руду?

«Но отчего опробовали на этой компании новое оружие? Страшно-то как, ведь подобное безнаказанным никто не спустит».

Выразительное лицо мужчины передернулось, лежащий передо мной оборотень явно ощутил эффект от моей подпитки. Только вот не продлеваю ли я его муки? Уж мне ли не знать после еженедельных походов в церковь, как сильно жжет освященное серебро нашу мохнатую шкуру? А ведь во мне всего половинка волчьей крови.

– Чего сидишь, ведьма? – рыкнул колдун. Он все никак не мог уговориться и явственно пылал раздражением.

Впрочем, остальные хоть и не лезли с вопросами, но не спускали с меня пристальных вопросительных взглядов.

Вздыхнув, решила признаться:

– Я примерно представляю, чем его ранили. – Гадая, прибьют меня после этих слов сразу или подождут, тихо ответила я. – И помочь ему можно только в одном случае: если сначала вытянуть из него серебро. Тогда он сможет сам восстановиться.

– Так чего ты ждешь, старая? – это уже волчара грозно рыкнул. – Не поможешь ему – загрызем!

Чего я жду? Впору рассмеяться, да только не смешно. Страшно! Боль, что испытаю я, вытягивая серебро из волка, вряд ли станет многим меньше той, что терзает его тело сейчас.

Тяжело вздохнув, сняла вязанные перчатки.

– Готовлюсь, – сипло ответила я. А про себя добавила: готовлюсь забрать себе его боль и ожоги.

Я потеряла вмиг вспотевшие ладошки, а потом, собравшись с духом, чтобы не выдать себя вскриками, положила руки на грудь раненому и отпустила магию, призывая серебро расплавиться и покинуть несчастное тело. Сила целителя заставила металл заструиться, вытекая наружу... к моим ладоням.

Боль оказалась ошеломительной. Судорожно дернулось тело оборотня – он тоже ощутил всплеск боли от движения освященного металла. Но для него это стало последним испытанием – едва серебро исторгалось его плотью, как начинала работать феноменальная регенерация оборотня.

А я... чувствуя, как серебро концентрируется на моих ладонях, облекая их, зашипела, едва сдерживаясь, чтобы не застонать от ярчайшей сильнейшей боли.

Дура, какая же я дура!

– Мне нужны лоскуты и вода. Срочно, – в этот раз и притворяться не потребовалось, от боли голос звучал, как карканье ворона.

Переспрашивать никто не стал. Все поняли сразу, зачем мне все это. Через миг рядом упала мокрая тряпица, с кровавыми потеками. Но меня не заботила, чья это кровь, собственная сейчас волновала больше. С содроганием я обтерла свои ладони, чувствуя, как с серебром слезает часть моей кожи.

– Еще! Мне нужно, чтобы вы постоянно меняли ее на свежую. Каждый раз! – прохрипела я.

Пусть хоть все рубахи порвут. Даже штаны! Выносить обволакивающее ощущение огненной боли я не могла, поэтому, водрузив ладони над ранами, из которых вытекало серебро, сколько могла терпела, позволяя ему собраться на моих ладонях и... С остервенением кидалась оттирать серебро с собственных рук. С каждым разом заново сдирая с себя кожу!

– Что с тобой... госпожа Лари? – неожиданно присел рядом еще один оборотень. – Я чувствую запах боли... паленой шкуры?

Естественно, скрытое иллюзией тело они не могли видеть, не подозревая о причине моих мук. Я попыталась улыбнуться в ответ, но мое лицо, скорее всего, свело судорогой, а не улыбкой.

– Это твой друг пахнет. – Прохрипела, отворачиваясь. Конечно, звериное обоняние подскажет волку о моей лжи, но что еще я могу ему ответить?..

– Ты не просто знахарка, – вновь не вовремя встрял проклятуций темный. – Ты истинный маг жизни, твои глаза сияют. И я чувствую сильный свет в тебе...

– Тогда, может быть, вы с друзьями отойдете подальше, чтобы моему свету не приходилось сдерживать вашу тьму? – рассердилась я – собственная боль и страх за подопечного притупили чувство страха.

– Мы... – заносчиво начал возражать колдун, но был прерван на полуслове.

– Отойдите! – произнес совершенно нейтральным тоном оборотень, что заботился о выздоровлении своего альфы, но темные среагировали сразу. Словно им рыкнули с угрозой.

А я переместила ладони на раненый мужской бок. И все началось снова: заструилось, вытекая наружу серебро, принося с собой адскую боль и ощущение горящей плоти. Снова и снова оттирая руки, я уже едва ли чувствовала их, давая себе всего мгновение на восстановление.

Разум умолял прекратить эту пытку, но душа странным образом болела за этого мужчину. Больше всего я жаждала вытянуть из него все серебро: пусть он выживет! Просто выживет и продолжит источать этот невероятный запах, сейчас сильно смешанный с ароматом крови и жженого мяса.

Тот момент, когда в ответ на мою магию, оттягивающую источник страдания больного, меня не окатило новым приступом боли и ожогом, я чуть не пропустила. Так измучилась, что плохо соображала.

Но... осознание медленно пришло – я справилась!

Сил едва ли осталось даже на улыбку. Неимоверным усилием воли заставила себя собраться и зарастить раны оборотня. А затем... Положила голову ему на грудь, прижалась всем телом, обессиленно обмякнув, и слушала с радостью ставший чистым и сильным стук его большого сердца.

И именно в этот момент оборотень очнулся. Все еще пребывая в забытье, открыл мутные глаза, посмотрел прямо на меня, затем обхватил мою голову рукой и едва различимо выдохнул:

– Ну здравствуй, единственная.

Луна щедро заливала все светом, он забрался даже сюда, разогнав ночные тени. Теперь лицо альфы было видно в мельчайших подробностях.

– Он бредит? – удивленно рыкнул волк рядом.

Но ответить ему никто не успел – раненый резко, откуда только силы взялись, притянул меня к себе, и уже в следующий миг впился клыками в нежное место между плечом и шеей!

– Что он делает? – краем уха услышала я в последний момент.

Меня пронзила боль, но не обжигающая, как недавно, а странно приятная. Это шокировало настолько, что я, безропотно замерев, вслушивалась в собственные ощущения. Губы оборотня почти ласкали кожу на моей шее, вызывая загадочный отклик моей волчицы. Ее словно обухом ударили по затылку или опоили чем-то приворотным?.. С чего еще ей так смиренно воспринимать чужие клыки, впившиеся в тело. Я впервые ощутила ее желание проявить себя, забрать полный контроль над нашим телом себе. Обернуться! И именно это меня напугало до звездочек в глазах. А не потеря крови или укусы волка (чего в бреду не случится!).

Я с помощью склонившегося ко мне разговорчивого оборотня вырвалась из захвата, инстинктивно залечила раны на шее. И отползла в сторону, прихватив рефлекторно и свой мешок. Альфа, обессиленный своим конвульсивным движением, в бессознательном состоянии так и лежал на земле. Вот только дыхание его стало бесшумным, а грудь вздымалась размеренно и ровно. Пока мужчины проверяли живучесть своего лидера, я оказалась у границы деревьев. И там, ведомая желанием сбежать, вдруг наткнулась на два внимательных взгляда: колдун и преследовавший меня оборотень следили за моими попытками. Сглотнув, почувствовала, как сердце ухнуло в груди: вот и сбежала, воспользовавшись суматохой.

Темный уже открыл рот, наверняка намереваясь сказать что-то громкое и язвительное, что снова сделает меня центром внимания. Но... оборотень оборвал его, с суровым видом качнув головой. И кивнул мне: беги!

Второго разрешения я ждать не стала – вскочила на ноги и, не думая об иллюзии, рванула в темноту леса. Прочь от проклятой поляны и странного, непонятного желания вновь коснуться лежащего под деревом громадного мужчины, настоящего зверя, оборотня.

Меня никто не преследовал – уговор чужаки сдержали. Слава всем Богам, когда забрезжил свет, я стучалась в ворота ставшего родным города.

Заспанный Муршик, увидев меня, напрягся, сощурился, спросил:

– Что-то случилось, госпожа Лари? На вас напали? Или...

– В волчью ловушку попала, по глупости, – я оперлась ладонью в тесные доски городских ворот, переводя дух.

Стражник успокоился и теперь смотрел сочувствующе.

– А я смотрю, вы вся в крови, в лесу надо быть осторожнее, госпожа. Сами знаете, последние годы зверья расплодилось, и двуногие хищники добавились, охотникам приходится нелегко. Вот и роют ямы...

Я выпрямилась, тщательно сохраняя вид замученной усталой старушки, а сама дико мучилась страхом. Пока бежала, думала лишь о том, как бы укрыться за безопасными стенами города. О том, чтобы рассказать охране о присутствии в лесу чужеземцев (считай врагов) даже мысли не возникло. Но вот сейчас, стоя у казарм, добропорядочная горожанка, которой я себя до сего дня считала, обязана была бы доложить, поднять набатом народ, а я... молчала.

Молчала, потому что боялась и за себя, и за тех незнакомцев. В которых стреляли из арбалетов, специально созданных, чтобы убить наверняка, а не просто ранить. И я верила словам колдунов, что они посланцы своих народов. Уж больно ситуация была, не располагающая к вранью.

«Кто я такая для них? Считай труп, чтобы врать мне?! Сочинять небылицы».

А еще шея горела – там, где впились в нее клыки раненого оборотня, мешая думать. Мне казалось, даже в предрассветных сумерках любому будет заметна эта своеобразная метка. Прямое указание на то, что я совсем недавно виделась с настоящими оборотнями! А это означает одно: меня легко занесут в доносчики или перебежчики. Или еще чего похуже. Например – в ведьмы!

Ладони опалило воспоминанием о жидком серебре, в душе крепла уверенность: костер на площади еще горячее.

– Повезло, что в яму кольев не натыкали, видно, лень было, – хрипло усмехнулась я, похлопав по предплечью стражника и направляясь в сторону своего дома. – Да повезло, что не глубокая яма, а то готовая могила для такой старухи, как я, вышла бы. Не пришлось бы соседям на гроб деревянный тратиться, да на похороны... А так, выкарабкалась каким-то чудом.

– Не переживайте, госпожа Лари, случись что, вас мы по-людски да с честью похороним. Много вы хорошего всем сделали.

– Ох, спасибо, Муршик. У тебя доброе сердце, – сипло хихикнула я, изображая старческий смех. А самой вовсе было не до смеха – тяжесть на душу легла, явно грядет что-то недоброе.

Закинув мешок за плечо и распрощавшись со стражником, я поковыляла к дому. А оказавшись в его родных теплых стенах, растопила погорячее очаг, нагрела воды, да долго мылась в лохани у огня. Так долго, что еще совсем тоненькая, только зажившая кожица на ладонях сильно сморщилась и потрескалась кое-где, начав снова кровоточить. Но мне было все равно – отчаянно хотелось смыть липкий страх и ощущение предательства: ведь про чужаков я рассказывать не буду. Скорее, я очень старательно про них забуду. Если повезет.

Глава 4

Вязкий, как дымка, туман, который бывает только в первые рассветные часы, устилал землю, скрывая сочную траву и цепляясь за ветви кустов. Дерево за деревом, она почти краслась, жадно вслушиваясь в звуки притихшего леса. Обоняние словно сошло с ума, тысячи запахов врывались в легкие, дразня манящими ароматами. Остро пахло хвоистой смолой, прелыми листьями, грибницей, а вот из того дубка несло птичьим духом. Волчица знала: так пахнет сова, что сидит на ветке и таращит на нее свои глазищи.

Упругие лапы, покрытые мягким черным мехом, аккуратно ступали по влажному от росы травяному покрову, ни одна веточка не хрустнула. Нечаянно мохнатая охотница засмотрелась на пернатую хищницу и раздавила яркую шляпку красного мухомора. В лесу нельзя отвлекаться, но душу волчицы переполнял восторг, смешанный с возбуждением от недавней добычи.

Прыжок через маленький овражек – и мохнатую шкуру накрыла чья-то клейкая паутина, а ее хозяин завис на ниточке перед носом, заставив свести глаза к носу. Фу-у, не люблю пауков. Легла на брюхо и обеими мохнатыми лапами потерла морду, стирая паутину и прогоняя прочь нечаянного соседа. А потом и вовсе перевернулась и с невыразимым удовольствием покаталась на спине в листве. Хорошо-о-о... свобода-а-а!

За ближайшим кустом мелькнуло что-то, пара веток качнулись, тут же заставляя напрячься волчицу. Кто-то явно пытался подойти с подветренной стороны, чтобы заранее не дать себя почувствовать.

Вскочив, я всем телом подалась вперед, напряженно всматриваясь и принохиваясь. Ночной туман слегка рассеялся, позволив увидеть среди листвы жуткие желтые глаза, они светились потусторонним светом, но почему-то я или волчица приняли их за призыв.

Еще не успев разобраться в ворохе образов и сонме ощущений, ловко отпрыгнула в сторону, восхищая простотой и силой, той легкостью, с которой двигалось мое поджарое тело. И в следующий миг я уловила аромат, волшебный, яркий, забирающий волю и рождая странные чувственные мечты. Тот, кто наблюдал за мной... за нами из кустов словно истаял, поняв, что его раскрыли. Но не пытался скрыться, скорее, звал, увлекал присоединиться к нему. И черная волчица тотчас сорвалась с места.

Что это за волк? И почему его запах и ощущение близости так меня волнуют? Заставляют искать, стремясь в неизвестность? А вот моя нечаянная мохнатая спутница точно знает, чего хочет, ловя привлекательный аромат незнакомого волка. Сейчас он куда более яркий, наполнен для нее десятками говорящих оттенков: силой, звериной принадлежностью, обещанием верности, совместным потомством... Как невообразимо странно! Куда она мчится? Почему упрямо стремится вслед за волком, чей силуэт мелькает между деревьев? И почему его присутствие не пугает ее? А... возбуждает!

А следом новая картинка: не обращая внимания на мокрый от росы подол платья, я брела по лесу, вдыхая богатый на ароматы лесной дух. Что я делаю перед рассветом в лесу? Без корзины и привычного мешка? И где волчица? Она словно поделилась частью своего восторга от свободы – и истаяла, как окружающая предрассветная дымка.

Треск сучка, такой тихий, что услышала я его лишь благодаря своему не человеческому слуху. Испуганно закрутила головой, ища опасность, а увидела лишь силуэт за деревом неподдающему. Мужчина не прятался, стоял, привалившись плечом к сосне и просто наблюдал за мной. Но странное дело – отчетливо были видны лишь его серые как окружающий туман глаза, а все остальное будто расплывалось, подергиваясь рябью. Словно за мной следил призрак.

Сердце зашло в неистовом ритме, я, как и волчица недавно, сорвалась с места и, придерживая подол, побежала прочь от незнакомца. Да только черная зверюга испытывала вос-

торг и возбуждение от встречи с жутким волком, наоборот, надеялась на знакомство с ним и даже мечтала о нем, а меня накрывало неоправданной паникой. Словно сама придумала глупые страхи, сама поверила.

Позади слышались едва слышные шаги бегущего за мной мужчины. Миг – и все стихло, похоже, преследование прекратилось, мне дали ощутить себя свободной. Но отчего-то в душе поселилась уверенность, что свободной я останусь ненадолго. Это пугало? Странно, но сейчас, пока я пыталась отдышаться, придерживаясь за шершавый ствол смолы – нет. Скорее, эти догонялки меня раззадорили, взбудоражили кровь. Словно показали, что азарт охоты лучше горячит кровь, чем степенная походка старой карги, и предлагали стряхнуть с себя чужую пыль.

И я совершила невероятное – устремилась обратно в поисках призрака. Даже не зная, к чему стремилась. Что я ему скажу, когда догоню? И припомнить его четкий образ никак не получалось.

Вновь замерла, чутко прислушиваясь к окружающим звукам. Но движения за спиной даже не уловила, ощутила лишь в тот момент, когда большие, тяжелые мужские руки опустились мне на плечи, слегка стискивая, не давая мне убежать. Дернувшись от страха, я замерла, словно лань перед волком, и просто ждала, что будет дальше.

То, что это «мой» призрак, я не сомневалась, такой притягательный, густой от близости аромат окутывал меня, пленяя, завораживая. Хотелось абсолютно расслабиться, откинуться на грудь незнакомца и, закрыв глаза, отдаться на волю его рукам.

Теплые, влажные губы скользнули от моей макушки по виску, нежно касаясь скулы и чувствительного местечка за ушком. По телу прошла острая дрожь возбуждения. Внутри зрела странная уверенность, что это мой мужчина. Откуда? Почему? Ответов я не знала.

Еще миг – и его размытый и одновременно такой желанный образ встал перед глазами. Я обнимала его широкие плечи, силясь объять необъятное, подушечками пальцев касалась завитков светлых волос, отливающих серебром в истаивающем лунном свете.

Откуда эти ощущения? Взгляд невольно скользнул к кончикам пальцев, которые показывало от соприкосновения с кожей незнакомца. Он отстранился совсем немного, я все еще ощущала жар его тела, но взгляд серых глаз мужчины виделся мне уже сквозь лесную листву. Жаркий и призывный взгляд. От него путались мысли, сердце ошалело стучало, а ладони невыносимо зудели в нестерпимой потребности вновь соприкоснуться с ним.

В смущении, не понимая причины глубинной тяги, какой-то неодолимой жажды найти его, я поднесла прохладные от росы ладони к лицу. Щеки пылали, выдавая затаенный стыд. Будучи целительницей, я немало знала о человеческом теле, но таких вот ласковых и одновременно волнующих прикосновений никогда не испытывала. Не касалась мужчины так... интимно, так... собственнически. И не позволяла касаться себя. И это пугало, заставляя искать объяснений.

Почему я блуждаю в этот час по лесу? Зачем ищу того, кого не знаю?

И не только я... Мягкие пружинистые шаги принадлежат уже не девушке. Зоркий, куда более зоркий чем человеческий, взгляд упирается в черные волчьи лапы. Моя волчица!

Волчья рысь вновь сменяется на неспешное скольжение человеческих ног. Опять я чувствую невыразимое волнение и бурю противоречивых эмоций в душе. Замирая в предвкушении, сама представляю, как протягиваю руки навстречу незнакомцу с седовласой макушкой, как поднимаю лицо, подставляя губы. И... чувствую ответное прикосновение его ладоней, его рта!

Это совершенно невероятно: силясь вырваться из марева необъяснимой дремы, тыльной стороной ладони дотрагиваюсь до щеки, ощущая жар. Пылает не только лицо, волна томительного тепла растекается и по телу, заставляя желать... я толком и сама не понимаю, чего.

Только знаю, что должна догнать его, отыскать в лесном тумане мужчину с серым взглядом. Как должна и моя волчица добежать до своего волка!

Сейчас я вижу их вместе. Огромный зверь совершенно не пугает мою волчицу. Наоборот, она уверенно льнет к светлому до седины меху, с ощущением доверия и защищенности ныряет к его шее, притираясь макушкой к большущему самцу.

В сознании моего зверя нет сомнений, она беспечна и удовлетворена таким близким присутствием чужого волка. И он безропотно и согласно принимает ее, обнюхивает, тычется мордой в ее холку, слегка покусывая и привечая. С неумолимой убежденностью волка толкает ее на бок, заставляя упасть во влажную от росы траву, открыться и без страха подставить брюхо.

И сам падает рядом, продолжая игриво рычать, трется о черную волчицу своим телом, смешивая запахи их тел. Для моего зверя в этом кроется важный смысл, предзнаменование неразлучного будущего.

Вновь за образами волчьей пары я силюсь рассмотреть фигуру мужчины. Она привлекает меня, сводя с ума невероятной потребностью оказаться рядом. Почему я так жажду этой близости? Как могу без стыда желать прикосновений и поцелуев мужчины?

В голове все совершенно спуталось. Чувственный отклик, трепет собственного тела путается с упрямым животным призывом. Волчица призывает? Понукает к чему-то? Оттого мне видится этот лес и поиски того, кто так значим?

С содроганием просыпаюсь, понимая, что все эти странные чувства не более чем сон. Ладони сами взлетают к лицу, остужая жар. Как бесстыдно! Как могу я, давно запретившая себе мечтать о невозможном, видеть во сне мужчину? Касаться его, мечтать о нем?

Неужели это проявление ненасытной волчьей природы? Может ли быть, что мой зверь задумывается о паре? Таковы последствия неожиданной встречи в лесу с собратьями? И мне придется терпеть эти сводящие с ума сны? О, нет...

Новый день начинался, пришлось вставать, впервые испытывая после сна одновременно бодрость и усталость. Но вскоре я забыла о сне и попытках волчицы повлиять на меня показать, что-то на ее взгляд очень важное.

Мы все забыли о прошлом, потому что мало у кого осталось будущее!

Задрав голову, позволив рукам безвольно повиснуть вдоль тела, и устало ссутулившись, я бездумно смотрела в небо, рассматривая красное зарево, что окрасило серое осеннее небо.

«За что все это?!»

Вокруг слышались вопли ужаса, стоны о помощи: одна часть города быстро превращалась в пылающие угли, а другой это еще предстояло.

На меня накатили дикая усталость и оцепенение. Последние сутки выдались самыми кошмарными в жизни. Даже смерть мамы потускнела на фоне окружающего кошмара. В Мерунич пришла война. Как и должно – слепая, беспощадная и кровавая.

С той встречи, когда я спасла раненого оборотня, прошли две недели. Я почти забыла об этом событии. Точнее, старательно затолкала память о нем в самые тайные уголки души, чтобы не думать, не мучиться сомнениями и не изводиться упреками. Только шрам от укуса на моей шее, даже подживший, но так и не исчезнувший бесследно, остался «украшать» молочную кожу, не давая забыть о той лунной ночи. К счастью, под иллюзией его никто не видел.

А прошлой ночью меня разбудил настойчивый звон церковного колокола. Тогда я судорожно одевалась, думая, что опять случился пожар, в котором кто-то мог пострадать. Выскочив из дома, даже ведро прихватила и привычную холщовую сумку для первой помощи погорельцам.

Три года назад, когда я только-только переехала в Мерунич, вот так же звонил главный городской колокол на церковной башне. Тогда мне почти «повезло», хоть и грешно так думать, ведь выгорел целый квартал, было много пострадавших, и мне удалось сразу привлечь внимание горожан своими талантами целительницы. Не вызывая подозрений, обойти долгие месяцы притинок. Заслужить уважение.

В этот раз глава Мерунича, стоя на деревянном помосте, где еще пару дней назад выступали циркачи, вытирал градом текущий пот со лба. При том, что дул пронизывающий осенний ветер, который заставлял тревожно метаться свету и тени от горящих факелов по брусчатке мостовой и напряженным лицам собравшихся горожан.

И вот были произнесены страшные слова: враг на подходе к городу. В Мерунич пришла война. За подлость и жадность нашего короля поплатимся мы. В назидание и в качестве наказания за вероломство темные уничтожают приграничные города. Очередное столкновение, где зачинщики чаще до поры до времени избегают расплаты, а беда приходит к невинным.

Ох, не зря все сплетницы города последние две недели судачили об одном и том же. Каждый обозник или лавочник, что ездит в столицу за товаром, привозил все более тревожные новости. И главная тема всех разговоров: король приказал убить посланца темных. И не абы кого, а одного из наследников их великих домов. Рассказывали, как на него и его охрану, состоящую из элиты оборотней, напали, но им удалось уйти. Мне кажется, уже тогда все подоснательно догадывались, что грядут тяжелые времена. Недаром гарнизон начал усиленно тренироваться, растрясая десятилетиями накопленную лень и наплыв жира на боках.

Укрепили ворота, подлатали городские стены. Улицы патрулировали местные маги-храмовники, но без ажиотажа, скорее... на всякий случай. Все мы люди и привыкли жить, надеясь на «авось пронесет».

«В конце концов, это же король набедокурил, значит пущай темные столицу и наказывают, кому нужен пограничный городок...» – так наивно считали местные жители.

Город продолжал жить своей жизнью, готовясь к длинной, холодной зиме. По улицам частенько плыли запахи от коптилен, кислой капусты или ароматного варенья. Но все изменилось в одно мгновение!

Сейчас все окутала вонь от пожарниц и смерти. А еще я всей кожей ощущала творимую темными волшбу.

Всего сутки выдержал Мерунич осаду армии темных и отряда оборотней. Они пришли перед самым рассветом, под защитой теней, напали внезапно на дремавших защитников города. Некоторые, не выдержав магии темных, с криками покинули свои посты, бежали, сломя голову, от ужаса, преследуемые жуткими тенями. Тогда против темной магии выступили светлые маги, развеяв порождения тьмы. Но поздно... Вслед за тенями пошла первая волна наступления. С трудом, но ее отразили.

Я, как и все местные целители, была у городских стен, помогая латать раны защитникам города. Но уже к вечеру нового дня их было так много, что помочь всем стало нереально.

А ночью темные натравили на нас оборотней. Бесшумными смертоносными тенями они взобрались на стены, и, разметав охрану, открыли все ворота осаждающим. После этого лавину темных остановить стало невозможно. Еще остававшихся в живых магов и последние части гарнизона смели: словно ураган пронесся, что срывает прошлогодние листья со стылой земли. Теперь каждая улица и дом превратились в отдельные очаги сопротивления. Горожане пытались спасти жизни себе и своим близким.

Изменило бы что-то мое признание об отряде чужаков в лесу? Вряд ли...

А я, этим поистине кровавым утром, кралась по еще пустынной улице кладбищенского района (как его называли), пытаюсь добраться до своего домика. Лишь самые отчаянные решились бы сегодня выйти из погребов и укрытий. Скрываясь в сумерках, касаясь рукой редких чужих заборов, и вздрагивая каждый раз, когда где-то из-за угла доносился шум от очередной стычки, а только-только наступавшую тишину нарушали крики очередных жертв этой бессмысленной жуткой войны.

У меня была надежда, что моя избушка слишком бедна и неказиста, чтобы привлечь чье-то внимание. И моя внешность вряд ли заинтересует мародеров или насильников. Слава всем

богам, иллюзию, сотворенную на крови, которой научила мама (один из сильнейших светлых магов), даже темный не развеет.

Добравшись до родного порога, схватила мелок и начала рисовать защитные руны, отводящие взгляд нечисти и злу. Затем я буквально на коленках оползала вокруг своей избушки, чертя ножом нужные значки на земле у потемневших от времени стен. Рисовала даже тогда, когда и с западной стороны, где всегда были тишь да гладь, ведь дорога вела лишь на кладбище, на улицы ринулась толпа темных. Небольшой отряд, который, пролетев мимо моей избушки, быстро растворился в сумерках. Хоть в этом мне повезло: здесь слишком бедный район, почти нет домов, только старые кузнечные мастерские, да пустые сейчас казармы.

Завершив «охранку», я ринулась в сараюшку, что была пристроена к стене дома. Оседлала свое единственное «движимое» имущество – каурую приземистую лошадку по кличке Вороная, старенькую, но выносливую и доброго спокойного нрава. Она единственная, кто не боялся мою волчицу, и ласково тянулась к моей руке за очередным лакомством. А я хотела, чтобы, случись мне потерять и этот дом, было на чем покинуть город.

Не думала я, что так скоро придет этот день. Никто из нас не думал.

Подготовив мешок овса, я вернулась в дом и, судорожно кидаясь из одного угла в другой, собрала еще мешок, но уже со своими пожитками и корзиной с припасами. Все это снесла в сараюшку и припрятала под соломой. Даже если грабитель придут, пусть забирают, что осталось, мне не жалко. Лишь бы живой оставили.

Прямо сейчас пускаться в бега нельзя, вокруг городских стен слишком много обозленных темных, даже старуху не пропустят. Но немного погодя можно попробовать.

Сутки изматывающего лечения, отсутствие сна и мучительное ожидание нечаянной смерти – я ощущала себя выжатой до дышек. Дрожащими руками подхватила с печки котелок с холодной похлебкой и, сев у окна, механически начала есть, глядя на улицу. Да, страх умереть мучил меня, как и всех, но я с детства живу с ним в сердце. Притерпелась к нему. Научилась всегда думать о том, как выжить.

Ведь каждый день для полукровки наполнен риском разоблачения и в лучшем случае изгнания. А в деревнях могут запросто и сжечь. После той злопамятной встречи в лесу у меня возникла бредовая мысль: может быть, попробовать перебраться на земли оборотней? Может, там я смогу устроиться? Не бояться разоблачения своей второй сущности?

«Они были слишком похожи на обычных людей. Крупных, рычащих, но... почти обычных» – странным образом вернулась мыслью к встрече.

И тут же себя одернула: там я буду бояться другого – свой сути мага жизни. Светлые на темных землях – враги. Так смысл менять шило на мыло? И главное, я почти ничего не знаю об оборотнях. Только те сведения, которые можно почерпнуть на городских площадях. С чего я взяла, что они меня примут?

Оборотни пришли убивать вместе с темными. Наказать! Уничтожить всех, кто окажется на их пути. Преподнести урок, который запомнят надолго. И пусть это месть за подлость, но... всегда есть «но». Сейчас – это чужие невинные жизни. По всему выходит, что рассказы о жестокости и кровожадности оборотней – не выдумка.

Я чуть не подавилась, когда в рассветных лучах увидела ковыляющую к моему дому трою. Две женщины буквально на себе тащили раненого мужчину. Почти волокли волоком, но не выпускали. И я узнала их. Алая с беременной дочерью и ее женихом – стражником.

Котелок, отлетев, ударился о столешницу. Но стук удара еще не успел затихнуть, как я, хлопнув дверью, выбежала им навстречу. Пока их никто не заметил – у нас есть шанс на спасение. Они увидели меня, только когда я почти вплотную к ним приблизилась. Девушка была вся в саже, мужчина окровавлен и избит до неузнаваемости. А вот на самой Алае порванное вдоль груди платье, красноречиво указывающее на насилие. Но она упорно тащила будущего

зятя на себе, помогая дочери. Я оттолкнула обессиленную девушку и подперла своим плечом мужчину: так мы продвигались быстрее.

– Слава Вышнему, Лари, вы тут. – Зарыдала почти еще девочка. – Там все горит, там только мертвые и убийцы...

– Тссс, доченька, молчи. – Глухо зашептала Алая.

Вчетвером мы добрались до дома и буквально ввалились в комнату.

– Нас везде найдут, – рухнула на дощатый пол девушка, обхватывая себя руками и рыдая с совершенно сухими глазами, отчего стало еще более страшно. – И убьют.

Алая бессознательно стягивала на груди разорванное платье, но я решила уточнить:

– Вы... одни?

Теперь на полу рыдали обе женщины, а между ними лежал истекающий кровью молодой мужчина.

– Теперь мы одни, у нас ничего нет. И некому нас защитить...

Я лишь кивнула, уже занимаясь раненым. Обнаружив все раны, фактически приказала:

– Алая, поищи вещи в сундуке. У меня от внучки остались кое-какие. Тебе и дочери нужно ополоснуться и переодеться. И чем быстрее, тем лучше – от вас пахнет дымом. Возьмите матрас и снесите в погреб. И теплые вещи, какие найдете, тоже туда же. Переждем беду там... пока.

И если девушка продолжала всхлипывать, раскачиваясь из стороны в сторону, то ее мать быстро взяла себя в руки и начала действовать. Уже совсем скоро погреб стал тайной комнатой, а мы трое помогали ослабевшему от потери крови, но «подлатанному» мной мужчине спуститься вниз.

Я еще не успела передохнуть, как на улице заорали. Алая быстро вынырнула из погреба и сноровисто кинулась к двери. Теперь мы вдвоем выглядывали в щель наружу.

– Это дочери кузнеца... Марта с Эммой, я знакома с ними, – прохрипела женщина.

Их загнали в угол сразу трое мужчин – воины темных.

– Их трое, – чуть не плача, сообщила я очевидное. Чем мы поможем? Моя магия не может причинить вред.

– Они ж девки, юные совсем... – все более глухо хрипела Алая.

Она судорожно порыскала взглядом по моей избушке, и я поняла, что отсидеться у нас не выйдет. Поэтому первая подошла к печи и вытащила из-за нее две старые чугунные кочерги. Когда мы выскользнули из дома, Алая увидела дырявую рыболовную сеть, оставшуюся от прежних хозяев. Я бы в жизни не догадалась о том, как ее использовать, но жена одного из начальников городской охраны оказалась куда более знающей в вопросе неожиданной атаки.

Пока насильники увлеченно боролись с двумя девчонками, мы подкрались к ним со спины и накинули на одного сетку, а двум другим врезали по темечку. Я стремилась не убить, а лишь оглушить, чтобы потом связать. Но Алая сводила личные счета, месть – безумное и беспощадное занятие. Совсем скоро за забор в канаву мы стащили трех мертвецов, а белые от ужаса и пережитого кошмара девушки бежали за нами к дому. Мой погреб пополнился еще двумя беглецами.

А ближе к обеду в дверь постучалась Матая – главная стражница Мерунича. Вся в крови, израненная, но с обоими своими малолетними сыновьями. Когда она заходила в дом, у меня возникла мысль, что она походит на волчицу, которая ценой своей жизни сохранила свой выводок. Слишком жуткими глазами она зыркала по сторонам, и взгляд у нее был пустой... страшный.

У дверей мы теперь дежурили по очереди. Слишком все вымотались и падали от усталости. Ели недавние заготовки, что хранились в погребе. И хлеба я напекла, как обычно, на неделю. Все работали молча, никому не хотелось говорить, в глазах каждого был виден сильный страх и единственный вопрос.

«Задержатся ли темные в городе или пойдут дальше, дав возможность выжить таким как мы, схоронившимся в укрытиях?»

Удивительно, но я выяснила, почему убежища искали у меня. Да, каждая из них знает меня, пользовалась моими услугами, но идти по горящему, наводненному врагами городу, к моей избушке на окраине?.. Странно!

Алая просто пыталась спасти жизнь зятю, чтобы хоть он позаботился о ее дочери. А вот дочери кузнеца и Матая шли ко мне специально: они нечаянно услышали, что у темных жесткий приказ. Ни в коем случае не трогать и не убивать старух! Вот и решили, что в моем доме смогут укрыться.

Мне показался нелепым подобный приказ, но кто этих темных поймет. Вдруг у них суеверие какое-то по поводу старых женщин?..

Мне даже удалось вздремнуть пару часов, пусть это и было больше похоже на провал в беспамятство от бессилия. Но тут... словно что-то толкнуло меня, заставив выбраться из дурмана тяжелых сновидений.

Я, обменявшись вопросительным взглядом с Алаей, умылась над тазиком, взяла зеленое хрустящее яблоко, последние из которых недавно собрала в своем же саду. И осторожно выскользнула на улицу, осмотреться.

Станный поступок. Но что-то гнало меня на свежий воздух, звало наружу. Я обошла дом, проверила свои охранки и встала у калитки, притаившись в тени столба, настороженно вслушиваясь и всматриваясь в окружающий пейзаж. И именно в этот момент я увидела их – оборотней. Рыщущих по сторонам, внимательно разглядывающих каждое строение... Словно обнюхивающих все в округе.

«Волки на охоте» – замерев от ужаса, мгновенно подумала я. По-другому не скажешь.

Может быть, я ошиблась, но мне вдруг почудилось, что это они в полном составе... Все те восемь мужчин, которых я видела на поляне две недели назад. И впереди шел он, тот, кому я спасла жизнь, тот, кто оставил отметину на моей шее, тот, кто пил мою кровь! Они называли его странным именем – Альфа.

Словно сработало невидимое притяжение – он резко развернулся, устремив взгляд прямо на меня! Заметил... Всего секунду смотрел, затем тихо рыкнул и стремительно, уже никуда не сворачивая, целенаправленно двинулся в мою сторону. А за ним и остальные. Еще мгновение простояв в оцепенении, я кинулась в дом.

– Все в погреб, – шикнула шепотом в ужасе толкущимся у печки женщинам.

Согнала всех вниз, захлопнула крышку и накрыла ковриком. Тут же кинулась к своим запасам и раскидала пахучих травок по полу, чтобы у любого зверя нюх отбить. Потянула носом: вроде не пахнет человеческим духом.

Едва успела...

Стукнула о стену распахнувшаяся дверь. Я стремительно обернулась, так, что подол платья взметнулся и обернулся о мои ноги. Замерев в необъяснимом предчувствии, я уставилась на непрошенных гостей. На жутких оборотней!

Альфа вошел, вынужденно пригнувшись, чтобы не приложиться о притолоку двери. Моя избушка сразу стала значительно меньше – на такие габариты она не была рассчитана. Вслед за ним вошла еще парочка оборотней, остальные остались снаружи.

Сглотнув, я во все глаза уставилась на оборотня, о котором, вопреки всему, думала все последние дни, который снился в странных снах. Именно воспоминание о нем и породило недолгую мысль о том, чтобы поселиться на землях оборотней.

Помещение тут же затопил явственно мужской запах – необычный, с легким лесным духом, примесью мокрого меха, терпкого дымка и горечи полыни. Я невольно сжала ткань платья руками, теребя ее от волнения.

Все трое с молодыми лицами, но седые, будто снегом припорошенные – при свете дня это смотрелось еще более непривычно. У моего недавнего подопечного оказались глубокие серые глаза, сейчас темнеющие с каждым мгновением. В этот раз оборотни были одеты в добротные рубахи и кожаные брюки, поверх которых были накинuty плащи.

– Ну, здравствуй... Лари, – произнес этот загадочный Альфа очень специфичным голосом. Раскатистым, словно гром, гремящий вдалеке. Или в груди сильного волка рык зародился?

– И вам здоровыми быть, – нервно улыбнулась я.

Двое его спутников двинулись в разные стороны, обходя мой дом по кругу, а мы так и стояли друг напротив друга. Огромный оборотень и я – маленькая молодая полукровка под личиной старухи.

– Что ж ты, сладкая моя, сбежала, не попрощавшись, – снова голос, словно далекий гром в горах, заполнил комнату.

– Сладкая? – истерично хмыкнула я, с тревогой отступая на шаг. – Милок, ты ничего не перепутал? Я, конечно, простая знахарка и магия мне лишь пару веков добавила, но в моем возрасте любая сладость растеряется...

Я резко замолчала, потому что два других оборотня замерли как раз над крышкой в погреб, шумно вдохнули и довольно хмыкнули. Уже через мгновение в сторону отлетел плетеный коврик и громынула откинута крышка.

– Попались, – мрачно усмехнулся один из волчар.

– Целый курятник... хотя и мужское мясо на забаву имеется, – добавил второй, блеснув белоснежными клыками в жуткой ухмылке.

До меня донеслись судорожные всхлипы женщин и детей. Душа не могла вынести их всеобъемлющего ужаса – я инстинктивно ринулась наперерез оборотням, заставив себя забыть об Альфе. На что надеялась? Не знаю. Только стоять и смотреть, как гибнут знакомые, не смогла.

И тут же едва не подпрыгнула от неожиданности, когда он стремительно приблизился ко мне со спины и негромко произнес у меня над ухом:

– Если ты сейчас сама, добровольно дашь слово слушаться меня во всем, поедешь с нами, куда скажу, мы не тронем их. Никого из них!

Я резко обернулась, едва не уткнувшись лицом в его грудь, и теперь переводила растерянный взгляд с проема погреба, где виднелись испуганные глаза Алаи и Матаи, на оборотня.

– Зачем я тебе? Старая и немощная? – выдохнула глухо. – Зачем они тебе? Ведь никто из них вреда вам не причинил и...

– Они мне уж точно ни к чему. А хорошая... знахарка пригодится, – усмехнулся он с какой-то иронией.

Странно, но в какой-то момент мне показалось, что ему неприятен этот разговор, а в глубине серых глаз, устремленных на меня, мелькнуло... сожаление?

– Я соглашусь, а вы можете сдать их другим, – сипло выдала я свои страхи.

– Мы оставим им знак нашего клана. – Немного подумав, все же процедил он. – Поверь, клан Серых Волков знают слишком многие, чтобы рискнуть и ошибиться с выбором места развлечений.

Альфа кивнул одному из своих, и тот, быстро разворошив угли в печке, вытащил головешку и вышел на порог, начав рисовать на двери.

– Несколько дней сюда никто не сунется, – произнес второй его спутник спокойным ровным голосом. – Не посмеют. А дольше темные в Мерунице не пробудут.

Из погреба послышался рваный общий вздох облегчения. И я поняла, выбора у меня нет. Сухим, надтреснутым голосом я процедила:

– Я даю слово...

– Поклянись, Лари. – Оборвал меня Альфа на полуслове. – Так будет вернее. Клятва мага помешает твоему... старческому слабоумию забыть обещание, если что.

Я сглотнула, обещание обойти еще можно. Но клятва? Клятву магия скрепляет.

«И этот волк об этом, оказывается, знает».

– Я клянусь, что буду слушаться тебя во всем, если это не повлечет чьей-то смерти за собой, – на всякий случай уточнила я, – и буду следовать за тобой, куда ты скажешь.

Оборотень довольно хмыкнул и словно расслабился.

– Отлично, а теперь, моя хорошая, собери вещи в дорогу, да поехали. Нас в клане уже наверняка заждались с хорошими новостями.

Я напряженно смотрела на этого мужчину, что возвышался надо мной и смотрел сейчас сияющими странным торжеством глазами.

– У меня в сарае лошадь и... вещи, – призналась с неохотой.

– Сплошные приятности сегодня, – хохотнул один из спутников Альфы, выходя из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.